

Автор: Есельсон С. (Россия)

13 ноября 1997 года из церкви Болгарского подворья в Москве, что находится на Таганке, вышел человек на негнибающихся ногах и прошествовал в метро походкой Буратино. Можно было подумать, что он пьян, но всякий, кто к нему приближался меньше, чем на метр, не унюхал бы ничего предосудительного. Остановившийся зрачок и взъерошенный вид могли бы намекать на нервное потрясение. Но тут может быть какая-то несуразица. Когда я рассказывал эту историю своему приятелю, христианину с приличным стажем, то он меня со всей возможной настоятельностью уверял, что такое невозможно, потому как «из нашей церкви выходят успокоенные».

Наверное, так, наверное, обычно так, но здесь был случай необычный, необычайнейший.

Недели за две до этого наш герой, снимавший в Москве угол, открыл для себя долго рекламировавшиеся хозяйкой жития святых. Он начал читать их на текущий день, что приходится, и ожидал каких-то связей событий тех и событий этих. И связи находились. Преувлекательнейшее занятие, надо Вам сказать.

История Феклы его задела. Почему? История была не про него, во всяком случае, не про его жизнь теперешнюю и прошлую. В общем-то, история была совсем женская. Но с правдой. Были жития авторские, сделанные, с повторяющимися сюжетами, с явными купюрами и переносами, со смакованием подробностей, особенно мучений, издевательств, особенно над особами женского пола. Но это житие было не из таких.

Что же такое вычитал наш герой?

Середина I века нашей эры. Апостолы ходят по миру, вернее, по просторам Евразии — от Испании до Индии.

В то славное время в городе Икония, что на территории современной Турции, жили мать с дочерью. Мать звали Феоклия, а дочь — Фекла. Дочери было восемнадцать. Дочь знала, что папа умер. Дочь папы никогда не видела. Не видела она и бабушки-дедушки, папиных родителей, и дядюшек-тетушек. Мама говорила, что «папа родом из Афин», что «накопим денег и тогда съездим к его родичам», но факт — денег на эту поездку никогда не было.

Мама желала дочери добра — как она повторяла неизменно, где-то один раз в декаду. Мать желала его не только на словах. Поэтому как только на дочь глаз положил Фамир, юноша знатного рода, начал за Феклой всячески ухаживать и даже приглашен был Феклой однажды в гости, то Феоклия произвела тут же с Феклой серьезный разговор, мол, «не будь дуррой», и «такие шансы не повторяются». Жалкое лепетание Феклы про то, что она «не спешит», что «никаких замечательных чувств, от нежности до страсти», она «к этому юноше не испытывает, может быть, это только «пока» — но не испытывает». Все эти речи мама заткнула быстро — долговой книгой, из которой следовало, что они практически разорены, и вся ее, Феоклиина, надежда — поскорее выдать Феклу замуж за богатого человека. Их быстренько обручили, и потекло время

Феклиного невестиного существования.

В город пришел апостол Павел. Шел 45-й год от Рождества Христова и всего лишь 12-й от Его Распятия, Воскресения, Вознесения и других известных событий. Это было самое первое странствие апостола, вчерашнего гонителя христиан.

Приход странствующих проповедников, слушание их было одним из тех нечастых событий, которые разнообразили жизнь древнего города. Фекла пошла с подругами послушать апостола Павла — рассказывали, что он говорит интереснее, зажигательнее обычных эллинских философов. А торговцы, вернувшиеся с товаром из Антиохии, даже рассказывали о всяких чудесах, произведенных там Павлом и полным переполохе вследствие того.

Фекла пришла послушать Павла и встретила с ним глазами.

Говорят, что Станиславский учил артистов найти в зале одного-единственного зрителя и быть на сцене — для него, реагировать на его реакции, быть с ним, словом, сделать его своим.

Павел посмотрел в глаза Феклы своим мягким сероглазым взором и дальше говорил только для нее. Во всяком случае, Фекла была в этом абсолютно уверена.

Слушая его, она погружалась в странное просоночное состояние, и в этих снах ей снилось, что она совсем маленькая, и какой-то мужчина катает ее на своих плечах, и она догадывалась, что это отец, которого, по уверениям матери, она помнить не могла.

Павел сказал ей, что целомудрие — замечательная добродетель, что приход в жизнь человека плотских отношений с другим полом, влечение к другому полу, память и воображение, отягощенные образами плотских утех с другим полом навсегда тяжелой гирей на шее отклоняют наш духовный взор от Бога. Лучше оставаться девственницей и стать невестой Божией. Она не решилась спрашивать, что это значит.

Дом Онисифора, где собирались слушать Павла, гудел — больно странными казались его речи. Кто-то крикнул: «А дети — что, от духа Божьего возьмутся?» И Павел, обратив взор свой на Феклу, сказал, что «дети Божьи берутся не от хотения плоти, не от осеменения мужским семенем, а от осеменения Божьим словом. А невесты Божии — всю жизнь неотрывно стремятся к общению с Господом и получают его и служат Ему, как верная жена служит мужу своему, а Он хранит их от всякого зла, как верный муж возлюбленную свою, жену свою».

Феоклия почуяла неладное, когда дочь, радостно возбужденная, уклонилась от вкусного праздника, с обильным возлиянием, в теплой компании родственников.

Фекла пребывала в уединении, не ела, не пила нормально и таяла как свеча.

Матери несложно было узнать (конечно же, через верных подружек дочери, вернее, через их матерей), что Фекла молится какому-то неведомому Богу, который, якобы, может все, и просит вернуть ей отца. Быстро выяснилось, что молится она Богу странствующего иудея Павла, на встречу с которым она разок сходила.

Феоклия приготовилась к тяжелому разговору с «неблагодарной дочерью, очевидно, подпавшей под влияние коварного пришельца», но, ясное дело, «никакие чары бы не сработали, если бы дочь была существом, благодарным вырастившей ее матери, ради нее не обустроившей свою личную жизнь». Разговор, как только начался, разметал в пух и прах все заготовки Феоклии — Фекла заявила ей, что приняла решение расторгнуть помолвку и не выходить замуж за Фамира.

Дальше толковать с Феклой, по Феоклиному разумению, было бесполезно и, рассудив так, что это, в первый черед, дело Фамира, Феоклия призвала его, объяснила,

что подружки, развлечения ради, зазвали, завели Феклу в дом иудея Онисифора, где пришельцы из Иудеи рассказывали сказки и где пришелец Павел забил своими речами девочке голову, что он, Фамир, стал редко у них бывать, Фекла скучала и что вот теперь могут у него из-под носа Феклу увести и что не видать ему девицу-красу, как своих ушей, если он немедленно не исправится и не начнет снова завоевывать ее сердце.

Фамир пришел к Фекле не с пустыми руками, Фамир пришел с подобающим подарком. Фекла на подарок даже не взглянула. Фекла сказала, что, мол, «хорошо, что мы не стали супругами, потому что я тебя не люблю». Фамир растерялся и спросил: «Почему же?» Фекла сказала, что «была душой» и что «чуть не испортила жизнь обоим». В последней попытке вернуть утерянное он попытался обнять ее со словами «мне все равно, любишь ты или нет» — Фекла вывернулась и плюнула ему в лицо. Это был конец.

Фамир, не прощаясь с Феоклией, вышел и отправился к отцу, а затем, вместе с ним, к князю.

Князю была подана жалоба на пришельца Павла, заколдовавшего Феклу, невесту Фамира, решившую от сего колдовства расторгнуть помолвку с Фамиром. Фамир в жалобе своей обращал внимание князя на то, что, если незаконную деятельность Павла не пресечь, то в городе от сего дня больше не будет браков.

Князь призвал Павла для объяснения и, услышав вместо внятного подтверждения или опровержения жалобы Фамира рассказ о своей жизни и об Иисусе Христе, не стал это все выслушивать досконально, а распорядился арестовать Павла и препроводить его в темницу до лучших времен, то есть до тех времен, когда у него, князя, человека весьма занятого и ценящего свое время, будет время на проведение подробного допроса с выслушиванием всех историй, которые пришелец вздумает ему рассказать.

Тем временем до Феоклии дошло, что это конец и брака не будет. Дошло, конечно, не через себя, а через соседку, сообщившую, что мать Фамира повсюду, где возможно, рассказывает, что они с глубоким негодованием расторгли помолвку, выяснив, что Фекла нечиста. Вот так, и точка.

Феоклия была в бешенстве. Она готова была задушить дуру собственными руками. Она била ее и таскала за волосы, она топтала ее ногами и закидала кухонной утварью. Наконец, устав, она закрыла Феклу и ушла рыдать на свою половину.

Что делают восемнадцатилетние девушки, избитые своими матерями? Феоклия совершила ошибку — она не заперла окно и не закрыла Феклу в комнату без окон. Пришедшая в себя Фекла кое-как прикрыла следы побоев и сиганула в окно.

У Онисифора ей сообщили, что Павел в темнице.

То, что пришло на ум восемнадцатилетней девушке, не приходило на ум устроителям тюрем тех, да и наших времен. Фекла пришла к тюремке и спросила у начальника стражи: «Сколько?» Если бы она спросила, сколько стоит выход из тюрьмы, побег, то такой прямой вопрос могли бы счесть неприличным, но она спросила, сколько стоит войти в камеру. Если бы тюремщики часто слышали такие вопросы, они, наверное, назначили почасовую оплату. Но они таких вопросов отродясь не слышали. Начальник стражи подумал немного и ляпнул наобум. И Фекла сняла с себя золотые украшения — заколку, серьги, ожерелье.

Когда открылась дверь в камеру и туда вошла Фекла — Павел ужаснулся. Но она заплакала, припала к его ногам начала рассказывать свою историю.

Когда она все рассказала, Павел поднялся, воздал хвалу Богу и сказал Фекле, что

она воистину его дочь, его первенец, ибо она поверила его слову и захотела стать невестой Божьей.

Они проговорили много часов, не было до сих пор у Павла лучшего слушателя, не было и потом. Он передавал и передавал ей то, что знал и понимал сам, и она внимала ему...

Понимал ли Павел, что конфликт с ее семьей неизбежен?

Она внимала ему коленапреклоненно, и он не поднимал ее с колен. Он спросил, не переполнена ли она его рассказами и не хочет ли она домой. Фекла рассеяно произнесла: «Где мой дом?» Но поднялась и начала прощаться. Она не понимала, как это возможно — стать невестой Христа и одновременно остаться подле матери.

Когда она шла домой к матери, то смутное желание начать какую-то иную, лучшую жизнь заставляло останавливаться. Останавливаясь, она выбрасывала какие-то вещи, но ноги сами несли ее в дом матери.

Позже она вспомнила историю, которую рассказал ей Павел о юноше, пришедшем к Иисусу, но тут же начавшем отпрашиваться домой для доделывания каких-то домашних дел, кажется, похорон. Зачем приходил, спрашивается — чтобы отпроситься?

Но это потом, а тогда она произнесла знаменательную фразу: «Я шла по дороге к Храму, а свернула на дорогу детства». И встретила мать.

Феоклия неистовствовала. То, что дочь заколдовали, свели с ума — было ясно. Не очень сложное расследование выявило, что Фекла прошла в камеру и пробыла несколько часов подле Павла. Феоклия знала о жалобе Фамира князю на Павла, знала и о том, что от Фамира распространяются слухи о расторжении помолвки с намеками на то, что Фекла нечиста, именно не заколдована, а нечиста. Это, конечно, так оставить нельзя было, это последнее бросало тень на добропорядочную Феоклию.

И она отправилась напрямиком к Фамиру и вместе с ним к князю.

Жалоба была преотвратительнейшая — требовали немедленно судить Павла, околдовавшего бедную Феклу, и, сверх того, разобраться с охраной темницы, допустившей девушку в камеру к колдуну и растлителю.

У князя болела голова и было намерение встречаться с Павлом и потихоньку — потихоньку выпрашивать его. Но надо было реагировать на обращение Фамира и Феоклии, представителей двух уважаемых родов, портить отношения с которыми было князю совсем ни к чему.

И князь начал судебное расследование.

В те времена публичные суды были распространенной народной забавой. И суд над Павлом привлек огромное количество народа, надо сказать. Не только горожан, но и пришлых.

Павел четко и подробно отвечал, что он рассказывал Фекле, где она сидела и как слушала, как ушла.

Когда Павла ввели, еще до начала дознания, из толпы наблюдателей послышались выкрики: «Казнить волхва!!!»

Князь потребовал привести Феклу. Пока ее вели, опять начали раздаваться крики: «Казнить» — так что пришлось утихомиривать крикунов и показывать, что хозяин положения все-таки князь, а не толпа.

Фекла уже пришла в себя и, неотрывно глядя на Павла, сказала: «Он пришел. Он пришел ко мне в неизъяснимом сиянии Своей души, я видела Его. Отец, я оставлю дом свой навсегда и буду только в доме Его».

Феоклия, слыша эти речи, вначале онемела, а потом, противу ожидания всех, что она обратит внимание князя-судии на явное сумасшествие дочери, наступившее из-за действий Павла, — обратилась к князю с требованием сжечь дочь, которая публично позорит свою мать, заявляя, что уйдет из дому без спроса и напутствия матери, да еще и объявляет пришлого волхва-иудея своим отцом. Феоклия вдохновилась внезапно и произнесла пламенную речь о том, что, если городские девицы будут следовать примеру Феклы, то город впадет в хаос и блуд, и дни его будут сочтены. «Нет, это не чадо мое, не дочь утробы моей, но проклятая тварь и сухая ветвь, сожги ее!»

Пламенная речь закончилась, и воцарилась мертвенная тишина. Князь, после секундного замешательства, поинтересовался, можно ли понимать так, что Феоклия сделала к нему официальное обращение. Феоклия, тяжело дыша, уверенно сказала: «Да».

Дело Феклы было выделено в особое производство.

Князь долго допрашивал Павла и не нашел за ним другой вины, кроме проповеди учения, проповеди вдохновенной и способной убедить впечатлительную молодежь. Надо сказать, что тогда в Римской империи, особенно в греческой ее части, начальство благоволило к философам.

Павел был приговорен к избиению и изгнанию из города с запретом когда-либо в будущем появляться в нем. Вместе с Павлом к изгнанию были приговорены Варнава, Онисифор и его сыновья. Город надлежало покинуть немедленно, чему способствовала стажа, немедленно окружившая и Варнаву, и Онисифора с сыновьями и после избиения Павла препроводившая их всех за пределы Иконии.

Они вышли на дорогу к Дафне, вскоре нашли пещеру неподалеку от дороги, остановились в ней и, по предложению Павла и общему согласию, стали на пост и непрестанную молитву о Фекле, чтобы Господь укрепил ее и явил ей свою милость.

Павел помнил, что Иисус рассказывал о настоящем пастыре, который душу свою полагает за людей своих, и рвался в Иконию. Но чем дольше пребывал в непрестанной молитве, в неусыпаемом чтении псалмов, тем больше Господь открывал перед ним всю показушную небожескую силу этого влечения в Иконию. Его место было здесь, в пещере, в неусыпной молитве за Феклу. И то, что в этой молитве он был не один, то, что они с Варнавой, Онисифором и его сыновьями друг друга сменяли, было лучше того, как если бы он был один.

Между тем в Иконии пришло время суда над Феклой. В досудебном заключении царь держал Феклу в той же темнице, что и Павла, рассудив, что, раз заявление на нее поступило от матери, то ее точно нельзя отпускать в дом матери.

Поскольку заявление поступило на предмет ее заколдованности, то князь назначил предварительные расколдовывающие процедуры.

Дважды в день ее поили особым пойлом, приводящим в полусонное состояние. А приведенный к ней знаменитый лекарь сообщил ей, что она больна, что ей скоро полегчает, что ей надобно не волноваться и забыть о всех последних происшествиях своей жизни, и все постепенно наладится. При этом, главное, данный ей травяной отвар надо пить раз в день в течение ближайших двух лет.

Князь до суда вплотную поработал с Фамиром и его отцом, и они согласились убрать все свои домыслы о бесчестии Феклы и принять Феклу назад в невесты Фамира, то есть восстановить помолвку.

На суде под одобрительный гул толпы была оглашена примирительная позиция

Фамира и его семьи. Была изложена история Феклы и, наконец, зачитано заявление матери.

Процедура была соблюдена. Но последнее было ошибкой, было лишним. Это князь сообразил, когда дело уже было сделано. Фекла встрепенулась и начала явственно молиться неведомому им Богу. Она сказала, что Фамира не любит и помолвку расторгает, что Павел ее не заколдовал, а открыл ей глаза, что она виновата перед ним, что он поистине ей отец. На насмешливые крики из толпы: «Ну, и где он сейчас?» — она отвечала, со все возрастающей бодростью, что она верит, что он «постоянно с ней» — он, дескать, о ней молится.

Это последнее оказалось для Феоклии совершенно невыносимым, последней каплей.

Она прервала Феклу и, страшно закричав, потребовала дочь распять. «Она мне не дочь, она позор нашего рода, она загубила мою жизнь, отданную на ее воспитание, а теперь угрожает своим примером заразить тысячи других девушек, дочерей и, тем самым, подорвать мощь нашего города».

Толпа встретила речь Феоклии сначала растерянной тишиной, потом все нарастающим гулом и криками: «Распять ее».

Князь был стар, осторожен и не любил никаких обострений. Никаких особых причин для казни Феклы он не видел, но недовольства городской толпы боялся не на шутку.

В те времена было два вида казни, с тысячью разновидностей. Самая страшная казнь — распятие. Самая гуманная — отрубление головы. Посередине стояло сожжение.

Князь отправил Феклу на костер.

Костер был средним мучением для мучимых, зато самым зрелищным. Пока таскали хворост и сено, народ прибывал и прибывал на площадь.

В этой казни на древнем Ближнем Востоке была своя специфическая эстетика. Назначенный к сожжению возводился как бы на вершину сложенной горы. Зажигали костер по краям со всех сторон одновременно. Для такой казни, как правило, выбирали сухую безветренную погоду. Языки пламени вздымались со всех сторон; площадка, на которой стоял казнимый, подгорала и обрушивалась. Таким образом, возвышающийся вначале над пламенем был поглощаем и гиб в его пучине.

Пока складывали костер, Феоклия то плакала, то страшно кричала, ругалась на дочь и рвалась бить, терзать ее, чему препятствовали стражники — порядок есть порядок. Фамир и его отец были недвижимы, растеряны и подавлены таким поворотом событий.

Фекла серной взлетела на площадку для казнимых.

Она не смотрела ни на князя, ни на беснующуюся мать, ни на бывшего жениха. Она смотрела в сторону дороги на Дафну. Она пыталась узреть Павла. После, рассказывая об этом событии, она не могла объяснить, откуда она знала, что Павел ушел в эту сторону. «Я это почувствовала каким-то неизъяснимым чутьем голубя, ведающего, где его дом, куда ему лететь».

Она смотрела в сторону Павла и молилась Господу, просила помощь прожить жизнь достойно его заповедей и его примера.

Из-за гор, со стороны Дафны, стремительно выползала огромная туша черной тучи. Как потом рассказывала Фекла, когда сверкнула дальняя молния, в зареве, окрасившем на мгновение тучу, она узрела Павла, образ замерцал, как дальняя звезда, и превратился в несомненный образ того, о ком так долго рассказывал Павел.

Между тем костер подождгли со всех сторон, языки пламени взметнулись

одновременно с первыми каплями дождя.

Дождь еще можно было перенести, но ливень с градом!.. Старожилы отродясь не помнили града такой силы и интенсивности. А когда вдобавок к городу стали приближаться столбы смерчей, почитавшихся местным населением за титанов, для которых люди все равно, что тараканы в их доме, то толпа на площади схлынула в мгновение ока.

Ввиду внезапного ненастья площадь спешно покинули князь и вся городская знать. Князь, конечно, мог дать распоряжения о Фекле, но как сердце у него не лежало к этой казни, то он и махнул на все рукой: сгорит — сгорит, не сгорит — не сгорит. Покинула площадь и Феоклия, увлекаемая потоком людей, казавшаяся потерявшей разум, не очень понимавшая, что происходит.

Костер угас. И Фекла устремилась на дорогу к Дафне.

Она искала Павла, она чувствовала, что он где-то поблизости и что он о ней молится.

В окрестностях одного селения, что располагалось при дороге, она увидела знакомое лицо — человека, которого она встречала на проповеди Павла в доме Онисифора. Она устремилась за этим человеком. Оказалось, он шел покупать хлеб для Павла и всех бывших с ним.

Радостным было воссоединение дочери со своим духовным отцом.

Фекла стала следовать за Павлом и Варнавой, первая и единственная особь женского рода, следовавшая за апостолами.

Потекли годы.

Однажды в Антиохи на Феклу положил глаз местный градоначальник, Александр. Она была взята стражей внезапно и приведена к Александру. Александр был любитель женщин, но в особом роде. В том, в котором был много столетий спустя прославился Казанова. Александр был талант на обольщение. С того момента, как дама оказывалась в его объятиях, — она становилась ему неинтересна. Но до того! Весь мир — к ее ногам!

С Феклой — ничего не получалось. И Александр решился на эксклюзивные меры. Видимо, он подумал, что то, что его искусство обольщения на нее не действует — это знак. Александр предложил Фекле замужество! И она отказалась.

И тут его задело за самое больное. Обнаружилось внезапно, что у него самое больное.

Александр произвел скорый суд и присудил Феклу к казни на усмотрение. Усмотрение должно было возникнуть утром. На ночь Фекла была оставлена у Трифены, родственницы Александра. Трифена, по-видимому, должна была хорошенько поработать над мозгами молодой упрямыцы и привести их в порядок и подчинение Александру. Впрочем, Александра вполне устраивало бы и позорное бегство Феклы тайком ночью от Трифены — ее никто не стерег.

Всю ночь женщины проговорили. Наутро Трифена попросила Александра отменить принятое решение и вообще воспринять происшедшее как указание на то, что пора прекращать разгульную жизнь.

Александр был вне себя. Фекла была отправлена на съедение голодным львам. Экзекуция, которая позже неоднократно повторялась над христианами.

Львы походили, порычали, но Феклу не тронули.

Случай был необычайный. Было решено, что звери не слишком голодные.

На следующее утро, при большом стечении народа, на Феклу были выпущены сутки некормленные львы. Для воспитательных целей Трифену посадили прямо около арены —

она сидела и плакала.

Звери Феклу опять не взяли. Тогда Александр вынес замечательное определение — что у Феклы есть колдовская сила.

И сила эта в одежде. Феклу раздели догола и вывели к животным. С тем же результатом. Была, правда, одна удивительная разница — к Фекле подошла львица и лизнула ей ноги. Народ ахнул. Послышались крики о том, что велик Бог, опекающий Феклу.

Для сладострастия Александра сцена львицы, лижущей ноги обнаженной красавицы Феклы, была, может быть, и избыточной, но для горделивого садиста Александра — недостаточной.

Он приказал страже заткнуть говорунов из толпы и приготовить следующую казнь. Ее не стали одевать, а просто привязали веревками за руки и ноги к двум здоровенным быкам, поставленным в специальном загоне мордами в разные стороны. Быков начали колоть раскаленными прутьями, и они устремились по предложенной им колее, но веревки разорвались, и Фекла, невредимая, осталась лежать на помосте.

И тут Александр испугался. Ему пришло в голову, что пока Фекла была пассивна — и то демонстрировала его бессилие и ничтожность, а что будет, если она перейдет к действиям? И кто это перед ним в обличие Феклы? Уж не сама ли Артемида с ним играет?

Александр повелел одеть ее в приличные одежды и сам пришел к ней поговорить и лично освободить ее из темницы.

Он попросил у нее прощения, со всей доступной ему изысканностью, и осторожно спросил, кто она.

Фекла отвечала: «Я раба Бога живого, вечного, просящего людей не изменять ему, не убивать, не красть, не блудить, не лгать и даже не желать ничего чужого».

Градоначальник, как все градоначальники всех времен и народов, был человек практический. А это значит, что из сказанного Феклой он понял одно, но до сердечной боли, до холодного пота — он понял, что замахнулся на то, что принадлежит какому-то из Богов, что всю жизнь, желая чего-либо, он не задавался вопросом, кому это принадлежит, и вот может наступить расплата.

Он попросил Феклу передать Господину своему прощение и подарки. Фекла сказала уверенно: «Он простит!» А от подарков отказалась, сказав на прощание, что если он будет жить по-иному, чем прежде, и хоть что-нибудь из сказанного ею соблюдать, то это и будет подарок.

Трифена ее ждала. Три следующих дня и ночи Фекла провела в доме Трифены. Туда шли и шли люди, и она им рассказывала и рассказывала, что сама слышала от Павла и что видела у Павла и про то, что случилось с ней самой в ее жизни.

Прошло три дня, и Фекла отчетливо вспомнила дом Онисифора, Павла говорящего и себя слушающую. И пошла искать Павла.

Ее, конечно, спрашивали, где, мол, был твой Павел, когда Александр устраивал тебе мучения. И она неизменно говорила, что без Павла она ничто. Павел был с нею все время и помогал, но не своей силою, а силою Господа нашего.

Павел встретил ее радостно и сказал: «Ну, что Фекла, кто в силах пойти на борьбу с невестою Божией?»

Фекла остановилась: не рабой Божией назвал ее Павел, а невестой. И вспомнила, как неоднократно слышала в устах Павла: «Дети отлепляются от своих родителей и

прилепляются к мужу или жене, а не родители их отлепляют».

Она взяла у Павла благословение и пошла в Селевкию, в то время крупный приморский город в Сирии. Она поселилась в предместьях Селевкии, в горах, в уединении. Позже на вопросы, чем она занималась в это время, чему и у кого училась, она отвечала, что училась беседовать с Богом, поститься, то есть обходиться малым и смиренно ждать с надеждой на то, что если Бог ей указал место жизни, то укажет и поприще.

Однажды Фекла собирала травы в питание себе. Мимо проезжал эллин, жрец. Пустынное место и молодая красивая женщина на лугу произвели на него должное впечатление. Он пришпорил коня и поскакал к ней с понятным намерением.

Сила, с которой Фекла сбросила его с коня и ударила оземь, оказалась достаточной, чтобы потерять сознание. Когда его спрашивали, что с ним произошло, он отвечал, что повстречал Артемиду и заслуженно потерпел от нее. Неизвестно, кто его надоумил, но он заказал художнику изобразить Артемиду. Артемиды вышла точь-в-точь Фекла. Жрец начал перед картиной каяться — извиняться, а потом вдобавок ее облобызал. Бок, который болел и тянул несколько месяцев после падения, прошел мгновенно.

История имела продолжение — разыскивать Артемиду-Феклу пошли родственники жреца, в надежде на исцеление от своих невзгод, душевных и телесных.

Фекла лечила странно. Она отговаривала лечиться, предупреждала, что с Богом не играют. Что вылечиться можно, только изменив всю свою жизнь — ту, в которой заболел. Что человек — не колесница, в которой можно починить колесо, и она снова поедет.

Она рассказывала им про другую, правильную жизнь, про Бога, который от людей хочет одного — чтобы они жили этой правильной жизнью. Рассказывала про Христа, явившегося, чтобы своей жизнью людям показать пример правильной жизни в неправильном мире.

От нее уходили множество исцеленных. Те, кто игрались с огнем, кто приходил с такой просьбой, мысля внутри себя о другом, разболевались не на шутку.

Она не уставала повторять: нельзя встать на дорогу вперед с головой, повернутой назад — в соляной столб обратишься, ума лишишься.

Ей внимали. Тысячи исцеленных исходили от нее, тысячи обращенных к Христианской жизни.

Шли годы. Слава ее распространилась по всему Ближнему Востоку, по всей Передней Азии. Дошла ее слава и до Иконии.

И вот однажды в дом старой Феоклии пришла весть, что ее дочь Фекла жива, что она и есть та величайшая целительница, что живет близ Селевкии.

И старая Феоклия поспешила в Селевкию. Над ней подсмеивались: ну куда тебе, старая, идти лечиться за тридевять земель, еще умрешь по дороге. Она отвечала серьезно, как никогда: «Не умру я по дороге туда, не имею права умереть».

Она достоялась в очереди и вошла к Фекле.

Впервые за долгие годы Фекла прервала прием.

Феоклия вернулась домой и вскоре умерла спокойной.

Шли годы, шли десятилетия. Менялись властители. Появлялись и исчезали страны. Погибли все апостолы. Умер последний из них — умерший своей смертью, а не погибший, как остальные — Иоанн Богослов. Фекла жила и жила. Число людей, ее пациентов, становившихся верующими, было, наверное, не меньше, чем у апостолов.

Поток пациентов был нескончаем. Фекла ни с кого не брала денег. Многие ею исцеленные люди, родственники исцеленных возвращались, начинали ей помогать — организовывать порядок в очереди, простую человеческую взаимопомощь между больными — их ухаживание друг за другом, кормление.

Беда подкралась внезапно и, главное, не из того места, откуда ее можно было бы ждать.

Феклу «заказали». Киллерам тех времен. Как вы думаете, кто заказал?

Однажды мне друг подарил книгу «Интриги и предательства в медицине (от древних времен до наших дней)». Автор не знал ничего о жизни Феклы. А между тем Феклу следовало бы поставить под номером один.

Ее заказали врачи Антиохии. Потому что у нее лечение бесплатное и с большим успехом, а у них платное — и без особого успеха.

Операция была двухходовая. На первом шаге нужно было прервать очередь.

Нанятые нанимателями втемную, якобы от нее, Феклы, говоруны стояли с семи вечера на дороге, ведущей к ней в устьях втекающих в дорогу тропок, предупреждали людей, что «завтра приема не будет, завтра она уйдет разговаривать с Богом», и отправляли людей на потом. Если бы они понимали, что они говорили!

Когда поток занимающих очередь на завтра удалось пресечь, а те, кто был сегодня, все отправились восвояси, то началась вторая стадия операции.

В 4.30 утра из леса, неподалеку от Феклы, вышла группа молодых людей и направилась в сторону ее домика.

Старуху надлежало изнасиловать, а потом повесить. На груди ее должна была висеть дощечка с надписью «колдунья», двумя скрещенными мечами и цифрой — сколько тысяч ее пациентов после ее лечения умерли в страшных муках. По замыслу заказчиков, это должно было пустить расследование по ложному следу, а заодно обелить «мстителей» в глазах людей и одновременно бросить тень на всю деятельность Феклы.

Фекла вставала обычно очень рано, с рассветом. Она почуяла неладное, вышла из домика, услышала приближение группы и побежала. С какой скоростью может бежать слепая девяностолетняя старуха?

Убийцы со смехом и улюлюканьем приближались. Фекла добежала до скалы. Дальше некуда. На скалу взобраться невозможно, броситься в пропасть — грех. И она взмолилась. Она молилась Богу все время, пока они приближались. И далее, на глазах изумленных убийц, она исчезла. Некоторые из несостоявшихся убийц утверждали, что Фекла шагнула и вошла в камень, некоторые — что Фекла растворилась в воздухе, а один, поэтически настроенный, на вопрос заказчиков, куда девалась Фекла, отвечал, что «старуха ушла в вечность».

-----* * *

13 ноября 1997 года. После полудня наш герой заблудился, совершая пеший переход от берегов Язуы к Таганке, видимо, о чем-то задумался, не туда свернул и натолкнулся на небольшую старинную церковь. Он искал какую-то книгу на богословские темы, изданную небольшим тиражом (тогда еще такое бывало — небольшие тиражи). По этому случаю и решил зайти церковную лавку. Забежал, посмотрел — книги там не было, поставил свечи, все как положено, и направился восвояси. И вот тут!

Перед выходом на стуле сидела старуха. Он автоматически на ходу кинул ей денег, и она его окликнула: «Сыночек, подойди ко мне».

Обернулся, взгляделся. Старуха была слепая, чем-то похожая на Вангу, какой ту изображали на фотографиях. Голос ее был ласков и певуч. Она говорила что-то ему, даже спела — наш герой провалился в невыразимую сладость. Наверное, древние индусы именно это и называли «саматхи». Он не помнил, что она ему рассказывала. Очнулся, когда она ему сказала: «Мы рождены для чего? Чтобы за жизнь свою хоть чему-то научиться. Ты только одно помни — по итогам жизни — суд. С чем придешь на суд? Как тебя спросят — тебе жизнь была дана, на что ты ее потратил?»

Он благодушно улыбнулся и спросил бабушку, как ее имя, с тем намеком, что он готов за нее молиться. Старуха в упор уставилась на него своими невидящими глазами и мягко взяла его за руку: «Да ты, сынок, знаешь меня, Феклой меня звать».